

Шостъинъ А. П. Магистерскій диспутъ: Поповъ Н. Г. Императоръ Левъ VI Мудрый и его царствованіе въ церковно-историческомъ отношеніи. М., 1892 // Богословскій вестникъ 1893. Т. 2. № 6. С. 535—545 (2-я пагин.).

МАГИСТЕРСКІЕ ДИСПУТЫ.

Въ воскресенье, 14 марта, въ шесть часовъ вечера, въ большой академической аудиторіи состоялся магистерскій диспутъ (коллоквиумъ) въ присутствіи профессоровъ и студентовъ и довольно многочисленныхъ постороннихъ посѣтителей-любителей духовнаго просвѣщенія.

Въ качествѣ магистранта выступилъ преподаватель Звенигородскаго духовнаго училища Николай Григорьевичъ Поповъ, представившій и защищавшій сочиненіе свое подъ заглавіемъ: „Императоръ Левъ VI Мудрый и его царствованіе въ церковно-историческомъ отношеніи“ (LV— 304 стр. Москва 1892 г.).

По установившемуся обычаю, предъ началомъ диспута секретарь Совѣта академіи изложилъ собранію краткія біографическія свѣдѣнія о диспутантѣ. Вотъ это *curriculum vitae*. Г. Поповъ—сынъ священника села Спасскаго, Звенигородскаго уѣзда, Московской губерніи. Предварительное образованіе онъ получилъ въ Заиконоспасскомъ духовномъ училищѣ и Московской духовной семинаріи; затѣмъ на казенный счетъ былъ посланъ семинарскимъ начальствомъ въ Московскую духовную академію, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1892 г. со степенью кандидата богословія и съ правомъ на полученіе степени магистра безъ новыхъ устныхъ испытаній. По окончаніи курса въ академіи онъ былъ опредѣленъ сперва на должность псаломщика при Московской Казанской (у Калужскихъ воротъ) церкви, а потомъ назначенъ преподавателемъ русскаго языка въ Звенигородское духовное училище, на каковой должности состоитъ и въ настоящее время.—Литературная дѣятель-

ность его началась еще въ годы студенчества. Именно: онъ напечаталъ „Указатель книгъ и брошюръ по церковной исторіи“ (1891 г.) и участвовалъ въ составленіи „Указателя книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія“ (1892 г.); на страницахъ „Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей“ помѣстилъ нѣсколько корреспонденцій и замѣтокъ о дѣятельности сектанта Пашкова и его единомышленниковъ; въ журналѣ „Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ напечаталъ критико-библіографическія статьи: а) о книгѣ проф. Платонова „Фотій, патріархъ Константинопольскій“, б) объ изданной De-Воог'омъ „Vita Euthymii“ и в) о книгѣ Булгакова „Настольная книга для священноцерковнослужителей“; въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“ напечаталъ статью по поводу тысячелѣтія со времени перваго гражданскаго закона о церковномъ вѣнчаніи брака.

По прочтеніи этого *curriculum vitae* магистрантъ произнесъ не большую, но очень интересную, рѣчь объ изученіи византійской исторіи на европейскомъ Западѣ и у насъ на Руси, при чемъ съ особенною обстоятельностью выяснилъ необходимость и важность этого изученія для русскихъ богослововъ, такъ какъ вся церковно-общественная жизнь наша находится въ тѣснѣйшей исторической связи съ жизнью Византіи ¹⁾,

Послѣ рѣчи магистранта начались ученныя пренія. Официальными оппонентами были: ординарный профессоръ по кафедрѣ общей церковной исторіи А. П. Лебедевъ и экстраорд. профессоръ по кафедрѣ древней гражданской исторіи Н. Θ. Каутеревъ. Изъ нихъ первый, проф. Лебедевъ, съ удобствомъ расположилъ свои замѣчанія въ послѣдовательномъ порядкѣ страницъ самаго сочиненія. Обративъ вниманіе прежде всего на заглавіе книги: „Императоръ Левъ VI *Мудрый*“, онъ высказалъ сожалѣніе, что диспутантъ не разслѣдовалъ вопроса о томъ, — почему, когда и кѣмъ этотъ императоръ былъ прозванъ „Мудрымъ“. Такъ какъ въ исторіи извѣстно очень немного лицъ съ завиднымъ эпитетомъ „мудраго“ (Кромѣ Льва, извѣстны еще Фридрихъ Мудрый и Ярославъ М.), то уже по одному этому разслѣ-

¹⁾ Рѣчь эта будетъ напечатана въ Б. В.

дованіе указаннаго вопроса было бы интересно и желательно. Но оно представляется и положительно необходимымъ въ виду весьма возможнаго предположенія, что за императоромъ Львомъ прозваніе „мудраго“ осталось лишь по недоразумѣнію и смѣшенію его съ извѣстнымъ византійскимъ ученымъ Львомъ математикомъ и философомъ, нѣкогда Θεσσαλονικскимъ архіепископомъ. Что такое *qui pro quo* было очень возможно, показываетъ и самъ авторъ въ примѣчаніи на стр. 262, гдѣ онъ говоритъ, что императору Льву Мудрому были приписываемы оракулы, принадлежавшіе Льву философу. Этотъ послѣдній Левъ дѣйствительно у историковъ X—XI в. всегда называется философомъ, тогда какъ императоръ Левъ у нихъ не удостоивается такого титула; слѣдовательно, краткая замѣтка автора (на стр. 15), будто бы названіе мудраго было усвоено имп. Льву „его современниками и ближайшими потомками“, не можетъ быть признана справедливою и достаточно обоснованною. Съ эпитетомъ „мудраго“ Левъ VI начинаетъ упоминаться историками съ большимъ или меньшимъ постоянствомъ не ранѣе XII в.; если же сынъ этого императора Константинъ Багрянородный называлъ его *σοφώτατος*, то это было не болѣе, какъ простымъ лишь комплиментомъ почтительнаго сына покойному отцу, а отнюдь не установившимся и общепринятымъ прозваніемъ; это подтверждается, между прочимъ, и тѣмъ обстоятельствомъ, что на-ряду съ эпитетомъ *σοφώτατος* у Константина ставится тутъ же эпитетъ *κείβητος* (=славный), въ которомъ конечно никто никогда не усматривалъ постояннаго прозванія, усвоеннаго Льву VI.

Соглашаясь съ оппонентомъ, что ближайшее разслѣдованіе указаннаго имъ вопроса было бы интересно и желательно, диспутантъ выставилъ однако на видъ, что оно было бы чрезвычайно трудно и едвали даже возможно. Съ точностію опредѣлить, съ какого именно времени установилось за тѣмъ или другимъ историческимъ лицомъ то или другое прозваніе, бываетъ возможно только въ самыхъ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ.

Послѣ заглавія книги оппонентъ обратилъ вниманіе на два эпитафия ея и сдѣлалъ краткое замѣчаніе относительно неумѣстности ихъ (въ особенности неумѣстенъ второй эпи-

графъ, взятый изъ Гиббона: онъ понятенъ лишь въ устахъ *этого историка*).

Затѣмъ оппонентъ перешелъ къ введенію сочиненія, заключающему въ себѣ „Обзоръ пособій и источниковъ“. Здѣсь онъ отмѣтилъ у магистранта нѣсколько сужденій, которыя представляются ошибочными и недоказанными, подѣ-часъ слишкомъ смѣлыми и даже оскорбительными для ученыхъ авторовъ, трудовъ которыхъ они касаются.

Такъ, на стр. IV извѣстный трудъ Hergenröther'a—Photius, Patriarch von Constantinopel, который и самъ магистрантъ признаетъ „классическимъ и грандіознымъ“ и который основанъ „на близкомъ знакомствѣ съ первоисточниками, даже неизданными“, характеризуется у него какъ „тенденціозный до недобросовѣстности“. И характеристика эта, при своей оскорбительной рѣзкости, оставлена совсѣмъ необоснованною.

Подобнымъ же образомъ на стр. VII, характеризуя въ нѣсколькихъ строкахъ двадцати-томную исторію Lebeau, магистрантъ заявляетъ, что она написана „съ развязностію француза“. Эта характеристика оскорбительна уже для цѣлой націи и при томъ рѣшительно несправедлива: недаромъ вѣдь французовъ называютъ теперь „аиньяпами новаго времени“ и „секретарями человѣчества“ (Ипполитъ Тэнъ), а секретари, какъ извѣстно, по самому положенію своему отличаются не столько *развязностію*, сколько *скромностію*. Къ тому же, достаточно припомнить имя Дюканжа, чтобы византіологъ относился къ трудамъ французскихъ ученыхъ съ полнымъ уваженіемъ.

На стр. XXXVI Никифоръ Григора называется „церковнымъ историкомъ“, тогда какъ онъ вовсе не былъ имъ и не писалъ никакой церковной исторіи“.

Далѣе на стр. XXXIX, въ краткомъ изложеніи слова митрополита Ареѣы по случаю перенесенія тѣла св. патріарха Евѣимія, магистрантъ допустилъ грубую ошибку, принявъ *патріарха* Павла за *апостола* Павла. Уже то одно обстоятельство, что имя этого Павла поставлено въ ораторскомъ словѣ въ ряду именъ св. Аѣаласія, патр. Никифора и Фотія, съ достаточною ясностію показывало, что ораторъ сравнивалъ Евѣимія именно съ патріархомъ Константинопольскимъ Павломъ, а никакъ не съ апостоломъ

Павломъ; вдобавокъ къ тому, объ апостолѣ Павлѣ ораторъ отнюдь не могъ говорить, что онъ былъ *вз изгнаніи*.

Наконецъ на стр. XLVII (срав. 4), излишне довѣряясь новооткрытому памятнику *Vita Euthymii*, магистрантъ безъ достаточныхъ основаній утверждаетъ, что „императоръ Левъ женился на Теофано вопреки своему желанію“. У Никифора Григоры въ *oratio* въ честь Теофано обстоятельно говорится, какъ къ царю были собраны красивѣйшія дѣвушки-невѣсты и что Левъ выбралъ изъ нихъ жену по своему нраву.

Обратившись далѣе къ самому изслѣдованію и указавъ въ началѣ его нѣсколько неточныхъ и непонятныхъ выраженій, оппонентъ не скрылъ удивленія по поводу того обстоятельства, что магистрантъ отказался въ точности опредѣлить годъ рожденія Льва VI и отмежевалъ для этого событія пространство отъ 861 до 866 г. (стр. 1). Внимательно сопоставивъ хронологическія даты, имѣющіяся у византійскихъ историковъ, магистрантъ легко могъ бы прийти къ несомнѣнному заключенію, что годомъ рожденія императора Льва былъ именно 866 г.

По недостатку времени сокращая свою рѣчь, профессоръ оставилъ безъ возраженій большую часть диссертации и перешелъ къ XI главѣ ея, содержащей въ себѣ обзоръ и оцѣнку византійской духовной письменности въ царствованіе Льва. — Мнѣніе магистранта, что проповѣди Льва были очень распространены и отличались многими достоинствами (стр. 225—228), онъ призналъ неправдоподобнымъ въ виду извѣстнаго отзыва о нихъ преосвящ. Порфирія (Успенскаго). По этому отзыву, въ проповѣдяхъ Льва „loquentiae satis, sapientiae paup, т. е. говорливости много, а мудрости мало“. „Когда я—прибавляетъ преосв. Порфирій—во второмъ словѣ прочелъ слѣд. слова: „о блаженныя жены, вы первыя къ вмѣстилищу нетлѣнія—гробу Господню — красною стопою (*ῥοαίῃ ποδῆ*) подошли“, — улыбнулся я и закрылъ рукопись, подумавъ, что царю Льву и у св. мирноносицъ мерещились хорошенькія ножки“ (въ первомъ путешествіи по Аѳону). Трудно повѣрить, чтобы съ такими достоинствами проповѣди Льва могли снискать популярность и быть распространенными въ обществѣ. — Когда магистрантъ замѣтилъ на это, что онъ самъ видѣлъ

проповѣди Льва въ рукописномъ сборникѣ, весьма хорошо сохранившемся, — оппонентъ подчеркнул его же собственныя послѣднія слова, такъ какъ сочиненія, пользующіяся извѣстностію и имѣющія широкій кругъ читателей, обыкновенно не остаются „хорошо сохранившимися“: хорошо сохраняются рукописи, мало и рѣдко читаемыя.

Грубою и непростительною ошибкою назвалъ оппонентъ заявленіе магистранта, что отъ митрополита Ареы Кесаріе-Каппадокійскаго остались схолии на сочиненія *апологета* Аристиды (стр. 248). Подъ этимъ Аристидомъ слѣдуетъ разумѣть отнюдь не христіанскаго апологета, а языческаго философа съ такимъ же именемъ. Во времена Ареы (IX—X в.) сочиненія апологета Аристиды не были еще и открыты; а за неимѣніемъ текста не могло быть, конечно, и схолій на него.

Рядъ своихъ замѣчаній проф. Лебедевъ заключилъ похвалою магистранту за его ученый трудъ и пожеланіемъ, чтобы съ его легкой руки изъ воспитанниковъ Московской духовной академіи выходило побольше талантливыхъ и трудолюбивыхъ изслѣдователей византійской исторіи ¹⁾.

Второй официальный оппонентъ, проф. Каутеревъ, началъ рѣчь свою раскрытіемъ того общаго положенія, что событія византійской исторіи имѣютъ значеніе не только сами въ себѣ, но и для другихъ церквей филиальныхъ (т. е. происшедшихъ отъ Константинопольской церкви), такъ что изучающій позднѣйшую византійскую исторію по необходимости долженъ изслѣдовать и показать, какъ отразились тѣ или другія событія византійской исторіи на событіяхъ церквей филиальныхъ, въ частности — русской. Поэтому оппонентъ ожидалъ встрѣтить въ сочиненіи г. Попова особую главу объ отношеніи императора Льва къ исторіи русской церкви, — главу, наиболѣе интересную для всякаго русскаго читателя. — Ожиданіе это имѣло для себя еще слѣдующія частнѣйшія основанія:

1) Въ нашихъ древнихъ рукописяхъ очень рѣдко встрѣчается сочиненіе, написанное такъ: „Василія царя грече-

¹⁾ Сочиненіе г. Попова представляетъ собою *первую* магистерскую диссертацию по позднѣйшей византійской исторіи, написанную въ нашей академіи.

скаго главизны учительны 60 и 6 къ сыну своему царю Льву, имуще краегранесіе сице: Василіе о Христѣ царь греческій Лву возлюбленному сыну и съцарствующему о добродѣтели и о ученіи“ (Тестаментъ). Въ нѣкоторыхъ же рукописяхъ помѣщается только одна третья глава этого сочиненія съ такимъ надписаніемъ: „Василія царя греческаго наказаніе къ сыну своему Льву премудрому царю—о чести священнической“. Несомнѣнно, что это сочиненіе представляло особый интересъ для нашихъ предковъ (на него неоднократно ссылались напр. Посошковъ и Арсеній Мацѣевичъ, — оно издавалось у насъ и печатно въ 1662 г. и въ 1718 г.); а указанная третья глава—о чести священнической—имѣла и практическую важность для русскаго церковнаго управленія, почему она особенно часто помѣщалась въ церковно-каноническихъ нашихъ сборникахъ.

2) Въ старинныхъ рукописныхъ сборникахъ нашихъ встрѣчаются постановленія Льва о порядкѣ церковныхъ престоловъ, подлежащихъ Константинопольскому патриарху, гдѣ между прочимъ упоминается и русская митрополія на 61 (иногда на 60) мѣстѣ. Самъ магистрантъ въ одномъ мѣстѣ сочиненія говоритъ, что при Львѣ Мудромъ было составлено росписаніе византійскихъ епархій для прекращенія споровъ епископовъ о своемъ старшинствѣ, но что росписаніе это до насъ не сохранилось (стр. 255—256). Было бы весьма не лишне сличить русскія рукописныя росписанія церковныхъ престоловъ съ изданными греческими (у Ралли); можетъ быть, при такомъ сличеніи магистрантъ пришелъ бы къ какимъ-нибудь интереснымъ и важнымъ для русской науки заключеніямъ. Кромѣ того, заслуживалъ бы обслѣдованія здѣсь и другой вопросъ, именно: почему и какимъ образомъ наши предки вздумали приписывать императору Льву упоминаніе о русской митрополіи, когда при немъ этой митрополіи и не существовало?

3) Въ Іосифовской Кормчей (гл. 50) имѣются „Леона царя премудраго, и Константина вѣрною царю, главизны о совѣщаніи обрученія, и о брацѣхъ, и о иныхъ различныхъ винахъ“. Это, — какъ признается теперь, — эклога Льва Исавра и Константина Копронима. Но здѣсь же имѣется, между прочимъ, такое постановленіе: „совѣщается бракъ христіанскъ, или написанный, или не написанный, между

мужемъ и женою, яко быти обою въ возрастѣ къ сочетанію, обрученома: мужеви убо отъ пятнадцате лѣтъ, женѣ же отъ трехъ надесять лѣтъ, обѣма хотящема совѣщаиємъ родителю“. У самого магистранта на стр. 213 это установленіе 15-лѣтняго возраста для жениховъ и 13-лѣтняго для невѣстъ приписывается Льву Мудрому. Былъ поэтому прямой поводъ магистранту указать на фактъ замѣны Исаврійцевъ-иконоборцевъ Львомъ Мудрымъ и Константиномъ.

4) Наконецъ, въ нашихъ хронографахъ есть статья „о предложени книгъ отъ греческаго языка на словенскій“, начинающаяся такъ: „въ лѣто второе надесять царствія Льва премудраго бысть предложени книгъ Кирилломъ и Мееодиємъ“, и относится это событіе къ 906 году (въ другомъ хронографѣ—къ 900 г.); а въ одномъ сборникѣ XVI в. ко времени царствованія Льва и Александра, сыновей Василя Македонянина, отнесено самое крещеніе Руси („при тѣхъ крестися князь великій Владимиръ Кыевскій и вся Русь августа перваго“).—Чѣмъ объяснить всѣ такія извѣстія нашихъ хронографовъ? И почему личность императора Льва Мудраго была такъ привлекательна для нашихъ предковъ, что съ его именемъ связывались самыя важнѣйшія событія нашей церковной исторіи?

Рѣшеніе этихъ и подобныхъ вопросовъ, по словамъ оппонента, удобно могло бы найти себѣ мѣсто въ той именно особой главѣ, какую онъ ожидалъ встрѣтить въ сочиненіи г. Попова; если даже и не рѣшить ихъ окончательно, то, по крайней мѣрѣ, поставить ихъ и выдвинуть на видъ было бы важно для полноты и интереса изслѣдованія. На это магистрантъ отвѣтилъ, что рѣшеніе указанныхъ вопросовъ было бы слишкомъ трудно и рискованно для него при недостаткѣ спеціальнаго знакомства съ массою старинныхъ нашихъ рукописей; къ тому-же, для надлежащаго выполненія намѣченной задачи едвали было бы достаточно одной только главы въ его сочиненіи,—скорѣе пришлось бы написать на эту тѣму довольно обширное изслѣдованіе.

Далѣе, натянутымъ и неестественнымъ призналъ проф. Каптеревъ данное магистрантомъ объясненіе причинъ вторичнаго низложенія патріарха Фотія. Магистрантъ именно пытается объяснить это низложеніе Фотія борьбою партій—игнатіанъ и фотіанъ (глав. II); но забываетъ при этомъ,

что мѣсто низложеннаго и заточеннаго Фотія послѣдовательно занимали опять-таки фотіане же: Стефанъ, Антоній, Николай Мистикъ. Слѣдовательно, низводя Фотія съ патріаршей катедры и отправляя его въ ссылку, императоръ Левъ шелъ вовсе не противъ *partii* фотіанъ, а только противъ *личности* самого Фотія: желая быть вполне самостоятельнымъ и дѣйствовать на всей своей волѣ, онъ постарался удалить патріарха, стѣснявшаго его своимъ личнымъ высокимъ авторитетомъ и бывшаго твердымъ нелицеприятнымъ представителемъ церкви.

Не согласился оппонентъ и съ тѣмъ утвержденіемъ магистранта, что низложенному Фотію пришлось терпѣть страданія въ ссылкѣ. Письмо Фотія, приведенное въ доказательство этихъ страданій (стр. 45—46), говоритъ только объ ограниченіи свободы и переписки заключеннаго патріарха, но не о страданіяхъ его.

Наконецъ, оппонентъ выразилъ недоумѣніе, почему магистрантъ живое участіе монаховъ въ церковно-общественной жизни того времени относить къ числу темныхъ сторонъ современнаго Льву VI византійскаго монашества (стр. 266).—Отвѣтъ диспутанта на это замѣчаніе сводился въ сущности къ той мысли, что вмѣшательство монаховъ въ церковно-общественныя дѣла препятствуетъ осуществленію высшаго идеала строго-аскетическаго подвижничества.

Заключая свою рѣчь, проф. Каптеревъ высказалъ пожеланіе, чтобы магистрантъ продолжалъ свои работы въ области византіологии и въ нихъ обращалъ бы болѣе вниманія на тѣсную связь византійской исторіи съ русскою.

Третьимъ оппонентомъ (неофициальнымъ) выступилъ товарищъ магистранта по академическому курсу, кандидатъ богословія И. Д. Андреевъ, работающій также въ области позднѣйшей византійской исторіи. Онъ началъ рѣчь свою краткими замѣчаніями по поводу нѣкоторыхъ неточностей и ошибокъ въ хронологическихъ показаніяхъ и цитатахъ.

Прежде всего, патріархъ Антоній 1-й занималъ катедру не при Левѣ Армянинѣ, а послѣ смерти его, и не до 823 г., какъ сказано у магистранта (стр. 71, прим. 3), даже не до 832 г., какъ говорится у Лекьена, котораго съ ошибкою цитуетъ здѣсь магистрантъ, а до 837 г.; и эту послѣднюю совершенно вѣрную дату маги-

странтъ могъ бы пайти въ лучшихъ трактатахъ Купера, Бандури и Муральта, бывшихъ у него подъ руками.

Затѣмъ, папа Стефанъ, занимавшій кафедру съ 885 по 891 г. сбивчиво называется у магистранта иногда пятымъ (стр. 60, 63, 64), иногда шестымъ, а иногда даже пятошестымъ (V—VI, стр. 42, 56, 59), тогда какъ онъ былъ несомнѣнно только шестымъ.

Отъ этихъ краткихъ замѣчаній г. Андреевъ перешель къ пространнымъ разсужденіямъ по болѣе сложнымъ и основнымъ вопросамъ диссертациі магистранта, — по вопросамъ о личности патріарха Николая Мистика и о причинахъ вторичнаго низложенія патріарха Фотія. — По словамъ оппонента, магистрантъ излишне симпатизируетъ Николаю Мистика, называя его замѣчательнѣйшимъ патріархомъ (стр. 90) и характеризуя его какъ человѣка почти идеальнаго (стр. 93—95), тогда какъ — по сообщеніямъ источниковъ — на дѣятельности этого патріарха лежитъ пятно, стереть которое магистрантъ старается не совсѣмъ удачно. Пятно это — козни его противъ царя Льва и интриги въ пользу Андроника Дуки, котораго онъ не прочь былъ видѣть на престолѣ. Доказательствомъ этихъ козней и интригъ служить то именно письмо патріарха Николая къ Андронику, которое было доставлено Льву нотаріемъ Андроника и которое магистрантъ безъ достаточныхъ основаній признаетъ подложнымъ (стр. 101 и сл.). Высказавъ это замѣчаніе, оппонентъ предварительно подвергъ весьма подробной критикѣ изложенныя у магистранта доказательства неподлинности упомянутаго письма Николая Мистика и нашель ихъ недостаточно основательными, а затѣмъ привель цѣлый рядъ положительныхъ доказательствъ въ пользу несомнѣнной подлинности этого письма, сильно компрометирующаго патріарха.

Далѣе. Причину вторичнаго низложенія патріарха Фотія магистрантъ усматриваетъ не въ капризномъ своеволіи царя Льва, а въ извѣстной борьбѣ партій игнатіанъ и фотіанъ, причемъ поставляетъ эти партіи въ нѣкоторую связь съ политическими византійскими партіями зеленыхъ и голубыхъ (стр. 29—30). По поводу этой послѣдней мысли оппонентъ замѣтилъ, что стремленія и интересы позднѣйшихъ церковныхъ партій хорошо извѣстны, стремленія же и интересы